

УДК 330.34:94(470+571)»1991/2017»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Маслов Д.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. Статья посвящена вопросу о влиянии стереотипов сознания и поведения индивида на проведение отечественных экономических реформ в конце 1980-х и 1990-е гг. Показано, что сама постановка проблемы содержит элемент научной новизны, т. к. в таком ракурсе история современных российских реформ практически не изучалась. Статья написана на основе комплекса как известных, так и ранее не использовавшихся историками источников – воспоминаний участников преобразований, дневников, данных социологических опросов (в т. ч. и проведенных автором статьи), материалов устной истории. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. В историографии преобладают работы, изданные за последние пять лет. Методология исследования основана на методах контент-анализа, методе биографических траекторий, акторном подходе, истории репрезентаций и других методах и подходах современного антропологического исследования. В результате выявлено, что изучаемые стереотипы активно влияли на проведение реформ, причем не только препятствуя их осуществлению, но и способствуя ему. Эти же стереотипы являлись своеобразным механизмом адаптации россиян к новым экономическим условиям. Рассмотрены наиболее распространенные стереотипы, указаны подходы к их классификации в целях данного исследования. В заключении сделаны выводы о значении стереотипов в истории современных российских экономических реформ.

Ключевые слова: стереотип, реформа, индивид, поведение, экономика, рынок, приватизация, государство, опросы.

ECONOMIC REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY AS THE TRANSFORMATION OF THE INDIVIDUAL'S STEREOTYPES OF BEHAVIOR

D. Maslov

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the influence of the individual's stereotypes of consciousness and behavior on the domestic economic reforms in the late 1980 and the 1990s. It is shown that the very formulation of the problem contains an element of scientific novelty, because in this perspective, the history of modern Russian reforms has not been studied. The article is

written on the basis of a complex of well-known and sources-memoirs of the participants of transformations previously unused by historians, as well as on the basis of their diaries and data of sociological surveys (including those conducted by the author), materials of oral history. Significant part of the sources is introduced into scientific circulation for the first time. The historiography is dominated by works published over the past five years. The research methodology is based on the methods of content analysis, the method of biographical practices, the actor approach, the history of representation and other methods and approaches of modern anthropological research. As a result, it was revealed that the studied stereotypes actively influenced the implementation of the reforms, not only hindering their implementation, but also contributing to it. These same stereotypes were a kind of mechanism of adaptation of the Russians to the new economic conditions. The most common stereotypes are considered. The approaches to their classification for the purposes of this study are indicated. In conclusion, the author draws conclusions about the importance of stereotypes in the history of modern Russian economic reforms.

Key words: stereotype, reform, individual, behavior, economic, market, privatization, state, polls.

Почему важен поворот историков к изучению стереотипов

Актуальность темы связана с повышением исследовательского интереса к роли человеческого фактора в переломные моменты истории. Модернизация позднего советского общества является процессом многоаспектным, однако, в отечественной и зарубежной историографии рассмотрены преимущественно социально-экономические и политические элементы указанного процесса. Кроме того, модернизация в научной литературе осваивается в основном на макроуровне общества, что оставляет недостаточно исследованным восприятие реформ на уровне отдельного индивида. Таким образом, из сферы научного изучения несколько выпадают те стороны процесса преобразования СССР в современное общество, которые представляют ход модернизации в сфере общественного сознания [исключения, касающиеся частных тем, представлены в социологической литературе – 11; 26; 27; 31]. Важнейшим элементом последнего являются стереотипы сознания и поведе-

ния рядового индивида, выражающие преемственность дореформенной и постреформенной эпох и представляющие собой своеобразное «наследство», полученное россиянином от советского человека. Суть проблемы данной статьи заключается в том, что слабая исследованность трансформации таких стереотипов затрудняет не только научное изучение модернизации в нашей стране, но и препятствует пониманию трудностей, с которыми связано практическое осуществление процессов обновления.

Отразить в небольшой статье все аспекты трансформации стереотипов советского человека, разумеется, невозможно. Поэтому ставится более узкая задача – показать, в какой мере само общество было предрасположено к намеченным преобразованиям экономики и какие стереотипы содействовали или мешали этим процессам.

Термин «стереотип» введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом в 1922 г. в книге «Общественное мнение» [35]. Под стереотипом Липпман понимал особую форму

восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал.

В мировоззрении советского человека стереотипы играли значительную роль. Они составляли существенный элемент официальной идеологии и служили человеку по-своему надежным ориентиром в социальном пространстве. Идеологические повороты периодически случались, но они не затрагивали основ миропонимания советского человека. Однако с началом горбачевской «перестройки» почти семьдесят лет формировавшиеся стереотипы начали рушиться, что стало в конце 1980-х гг. едва ли не одним из наиболее ощутимых признаков нового, особенно в отсутствие ожидаемых результатов экономических реформ. Причем некоторые стереотипы формировались в течение ряда столетий, но прочно вошли в сознание советского человека [исследование исторических факторов, определивших экономическое сознание россиян: 18]. Тем самым в 1990-е гг. наметился разрыв не только с «советизмом», но и с «русизмом» [11, с. 12]. Соответственно, хронологические рамки статьи охватывают период конца 1980–1990-е гг. – время, на которое приходится наиболее интенсивный период экономических реформ, сопровождавшийся переосмыслением стереотипов.

Есть основания полагать, что стереотипы, сложившиеся в экономиче-

ской сфере, сыграли в отечественных реформах новейшего времени особую роль. Идущие все эти годы дискуссии о результатах экономических преобразований 1990-х гг. зачастую игнорируют фактор влияния на поведение людей в сфере экономики сложившихся стереотипов. До сих пор нет специального исследования этого вопроса. Вместе с тем накопленный эмпирический материал заслуживает, на наш взгляд, обобщения.

Под носителем стереотипов в данной статье понимается среднестатистический советский (российский) гражданин, вступивший к началу реформ в активный возраст, в чьем сознании прочно закрепились рассматриваемые ниже стереотипы. Автор статьи вполне осознаёт, что в территориальных рамках СССР–России было и есть немало особенностей, вызываемых различиями по национальному, религиозному, территориальному и пр. признакам. В то же время в целях данной статьи представляется возможным ими пренебречь, т. к. стереотип как раз подразумевает наличие того общего, что объединяет людей независимо от различных факторов.

Источниковая основа исследования такого рода, как данное, имеет особенности. Прежде всего, автор привлек источники, уже введенные в научный оборот, но практически не рассмотренные в интересующем нас ключе. К таковым отнесена та часть текстов официальных документов с середины 1980-х гг. (КПСС, СССР, РФ), которая отражает стереотипы поведения представителей правящей элиты страны, сформированные в более ранних условиях и по-прежнему востребованные в проведении реформ. Ставшее привыч-

ным недоверие к источникам такого рода не отменяет тот факт, что в них зафиксированы представления руководителей непосредственно периода реформ, не отягощенные последующими результатами преобразований.

Наиболее значимыми для целей данного исследования являются документы личного происхождения. Опубликованные многочисленные мемуары и дневники отражают стереотипы главным образом ключевых действующих лиц – политических и общественных деятелей. Есть основания полагать, что их позиции по интересующим нас вопросам далеко не всегда идентичны представлениям значительной массы рядовых граждан. Поэтому в исследованиях такого рода, как данное, эта часть мемуарной литературы привлекается в качестве своеобразного эталона для сравнения со взглядами граждан. Мемуары и особенно дневники последних публикуются, по понятным коммерческим причинам, гораздо реже. Тем не менее имеющиеся исключения представляют несомненную ценность [3; 13–15].

Наибольший интерес для целей статьи представляют неопубликованные источники личного происхождения. Эта практически неисчерпаемая группа источников представляет на сегодня весьма пестрый и почти необработанный комплекс материалов, собранных в последнее время разными путями.

Ценная информация содержится на сайтах социологических служб, занимавшихся сбором материалов уже в процессе проведения реформ¹. Эти

¹ См. базу данных результатов всероссийских опросов общественного мнения “Архивариус” ВЦИОМ, в которую внесе-

данные являются отражением взглядов респондентов именно на момент проведения преобразований. Кроме того, эти материалы служат основой для сопоставления с данными более поздних соцопросов и сведениями, почерпнутыми из иных источников.

Кроме того, автором статьи с участием студентов факультета истории, политологии и права МГОУ проводились опросы в 2017–2018 гг. Было опрошено более ста человек, представляющих различные категории населения. Основной возраст респондентов – от 45 до 80 лет. В социальном плане были представлены различные слои населения, в первую очередь, рабочие и служащие; участвовали и представители интеллигенции, жители сельской местности. География опроса в основном охватывала подмосковный регион; отражены и мнения тех, кто проживал за его пределами в Советском Союзе (России)². Таким образом удалось получить сведения, ценность которых определяется тем, что они отражают представления разных слоев населения с точки зрения сферы занятости, уровня доходов, возраста, образования.

Вместе с тем в последние годы начинается сбор воспоминаний рядовых участников отечественного преобразовательного процесса. Более сотни воспоминаний представлены на сайте Фонда ИНДЕМ (<http://indem.ru/Re90/Vo/PriPriVos.htm>). Продолжающийся

ны материалы за период с 1992 г. по настоящее время (https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=&text=пабoтa&logic=AND&in_q=on&day_f1=19&month_f1=12&year_f1=1992&ds=3&day_t3=19&month_t3=12&year_t3=2016&day_f2=&month_f2=&year_f2=&day_t2=29&month_t2=5&year_t2=2017)

² Анкеты № 1-114 / Личный архив автора.

и по сей день проект «Народная книга» собрал уже около трехсот воспоминаний¹, часть из которых только что опубликована [19]. Собираемые через социальные сети данные материалы ценны широтой своей тематики (авторы воспоминаний сами отбирали сюжеты и определяли характер их изложения). Кроме того, материалы весьма репрезентативны, т. к. содержат факты жизни разных категорий населения с точки зрения возраста, пола, образования, профессии, места жительства и пр. В анализе данных источников на первый план выходят востребованность гражданами тех или иных сюжетов, характер их освещения, динамика предпочтений и другие обстоятельства, особенно значимые для выявления именно стереотипов сознания и поведения.

Материалы опросов и воспоминаний, полученные в последние годы, требуют особо осторожного отношения. И хотя подобная исследовательская практика уже применялась в отношении более ранних периодов отечественной истории [1; 16; 25; 34], следует помнить об эволюции взглядов опрашиваемых под влиянием самых разнообразных факторов. Сопоставление таких материалов с источниками периода реформ отчасти позволяет обнаружить эту эволюцию. В то же время сам факт такой эволюции не может не заинтересовать исследователя, т. к. позволяет глубже изучить механизмы, влияющие на массовое сознание, в т.ч. и в плане складывания и преодоления различных стереотипов.

¹ На сайте «Народная книга: истории народной летописи» (<http://nk.ast.ru>) см. раздел «Были 90-х: семейные истории выхода из СССР, или «лихие» метаморфозы личной жизни».

Для идентификации определенных взглядов как стереотипов, важно установить связь представлений индивида периода реформ с устоявшимися представлениями предшествующего периода. Понятно, что такая связь может и не являться стереотипом, а отражать естественную преемственность взглядов. Характер стереотипа таким представлениям придает тот не вполне логичный факт сохранения устаревших в условиях общественных изменений взглядов, уже не вполне вписывающихся в новую социальную действительность.

Экономическая сфера выбрана для данного исследования прежде всего потому, что изменения именно в этой сфере являются наиболее ощутимыми для социального самочувствия индивида. И как раз с экономической сферы начались преобразования периода «перестройки».

Стереотипы экономического поведения советского человека

Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, значимые из таких стереотипов, характерные не только для обывателей, но и для руководителей страны.

Прежде всего, это стереотип целесообразности, возможности и полезности государственного управления и контроля над экономикой в той мере, в какой это сочтет нужным само государство. Суть стереотипа заключается в том, что в советский период в сознании общества прочно закрепились мысли о том, что государство является главным субъектом экономики. Данный стереотип – один из тех факторов, который мешал переводу экономики в русло рынка еще в горбачевский период. Согласно представлениям советских ру-

ководителей, экономика подвластна партийным решениям и не имеет иных законов, кроме воли партии.

В основе печально известного курса на ускорение социально-экономического развития лежало в том числе и стереотипное представление о способности экономики «подстраиваться» под партийные резолюции. Если в позднесталинский период руководство страны задумывалось о соотношении законов экономики и партийных решений [30], то в последующий период эта проблема всерьез на таком уровне не ставилась. Официальные документы свидетельствуют, что руководители страны периода «перестройки» не теряли веру в свою способность решить экономические проблемы директивным путем, что будет показано ниже. Не отставало в этом от своего руководства и население страны, даже его весьма образованная часть. Вполне передовой для того времени по взглядам актер и режиссер Р. Быков в 1987 г. сетовал на отсутствие закона «об инициативе и замене одних форм хозяйствования другими даже для общественных организаций» [3, с. 594]. Получалось, что даже инициатива общестственности должна регулироваться сверху!

Не менее значимую роль в определении экономической линии горбачевского руководства, особенно на начальном этапе перестройки, сыграло ставшее стереотипом еще со сталинских времен представление советских лидеров о необходимости «неуклонного» обеспечения количественного роста экономических показателей, что и выразилось в уже упомянутом курсе на «ускорение социально-экономического развития». Современные

исследователи убедительно показали, что проблемы советской экономики середины 1980-х гг. были связаны отнюдь не с ее отставанием по количественным показателям; требовалось иное качество роста, структурная перестройка [33, с. 62], чего горбачевская команда как раз и не смогла осуществить практически. Как было заявлено М.С. Горбачевым в 1986 г., под ускорением понималось прежде всего повышение темпов экономического роста, хотя тут же последовало напоминание о необходимости нового качества этого роста [20, с. 21].

При этом в процессе перестройки у ее лидеров укреплялось понимание, что количественным ростом показателей дело не должно ограничиться. На ключевом в этом плане пленуме ЦК КПСС в июне 1987 г. М.С. Горбачев особо подчеркнул, что «цели ускорения социально-экономического развития мы видим не только в том, чтобы преодолеть допущенное отставание... они направлены на достижение нового качественного состояния социалистического общества» [21, с. 7]. Но и в 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС генсек вынужден был признать сохранение стереотипного стремления к «валу» у хозяйственных руководителей разного уровня [7, с. 15]. Родившийся в годы индустриализации стереотип необходимости роста экономики во что бы то ни стало сохранялся в сознании руководителей и тогда, когда этот рост лишь усиливал и без того острые хозяйственные диспропорции. Сама терминология руководителей того периода включала в себя лексику, свидетельствующую, что корень проблем усматривался именно в количественном факторе – «ормо-

жение», «застой», «отставание», «неисчерпаемость преимуществ социалистического способа производства». С другой же стороны, одним из главных лозунгов начального периода перестройки являлся лозунг «больше социализма», в чем также просматривается особое внимание количественной стороне вопроса [8, с. 7]. Любопытно, что в своих более поздних текстах периода перестройки, а также в последних книгах М.С. Горбачев практически не возвращается к идее ускорения [9].

Новое качество экономического роста предполагалось осуществить, прежде всего, за счет перехода к интенсивному пути развития на основе научно-технического прогресса. Но реальная структурная перестройка экономики, как известно, предполагает необходимость оптимизации социальной политики. М.С. Горбачев же неизменно уверял, что «мы не можем встать на путь свертывания социальных программ» [10, с. 4]. И, действительно, социальные расходы государства росли вопреки возможностям экономики [29, с. 17 и далее]. Но и несколько позже, на Всесоюзной партконференции, Горбачев М.С. вновь заявил о том, что реформа ценнообразования не должна привести к снижению жизненного уровня населения и спада производства. Отдельные попытки горбачевской команды в этом направлении не шли дальше известного и ранее расширения прав предприятий. Ожесточенная дискуссия на Политбюро в декабре 1986 г. о повышении цен в розничной торговле закончилась безрезультатно [4, с. 117]. Стереотип государства, обязанного всегда и обо всех заботиться, прочно сидел в умах перестроечных руково-

дителей. Такое «чудо» предполагалось обеспечить за счет перенаправления госдотаций от производителей к населению в качестве компенсаций. При этом, по Горбачеву, государство ничего не выиграет от повышения цен, но и население ничего не потеряет [7, с. 21–23]. Что удивительно: речь шла о глубокой реформе, от которой, однако, должны выиграть все!

Вопрос о финансах еще не возникает, что иллюстрирует еще один экономический стереотип – представление руководства страны о некоей неэкономической природе денег, о деньгах как инструменте манипулирования экономикой в соответствии с партийными решениями. Размышления о природе денег проявятся лишь к концу 1980-х гг., когда экономическая ситуация существенно ухудшится. Причем размышления эти, по меркам сегодняшнего дня, выглядят банальными [23, с. 89].

За годы «перестройки», как свидетельствуют документы, руководству страны не удалось преодолеть и стереотип неприятия всего, что связано с частнособственническими отношениями. Так, уже в 1990 г. в подготовленной для XXVIII съезда КПСС Платформе ЦК «К гуманному, демократическому социализму» хотя и говорится о «полноценном рыночном хозяйстве» (термин тоже показательный; видимо, авторы испытывали внутренние сомнения), но тут же оговаривается необходимость централизованного планового воздействия на развитие производства и категорическое неприятие «отчуждения работника от средств производства и эксплуатации человека человеком». Само понятие «частная собственность» стыдливо заменялось невразумительной кате-

горией «трудовой индивидуальной собственности». Причем такой подход преподносился как «глубокая переработка отношений собственности» [17, с. 11–13]. Конечно, сказанное здесь является не очередным упреком в адрес горбачевской команды реформаторов, а констатацией связанности их сознания экономическими стереотипами уже на этапе начала перехода к рынку.

Но и новому поколению реформаторов из гайдаровской команды пришлось бороться не только с устаревшими экономическими отношениями, но и с их укорененностью в массовом сознании россиян.

В какой мере реформаторы начала 1990-х гг. учли этот фактор (в первую очередь, отказ от госрегулирования, особенно цен)? Судя по их воспоминаниям, они ожидали возможных волнений на почве роста цен на первом этапе, в январе 1992 г. С этой целью осуществлялся мониторинг ситуации по регионам с привлечением соответствующих подразделений силовых структур. Однако серьезных акций протеста не произошло. Почему же регистрируемая социологическими опросами народная боязнь роста цен не получила активного выражения? Очевидно, что в этой ситуации исследователь сталкивается с феноменом более сильным, чем воздействие стереотипа. Этот сюжет свидетельствует о том, что некоторые стереотипы не опасны для реформаторов, т.к. блокируются более мощными по значению факторами.

Негативное воздействие ряда стереотипов реформаторы ощутили в сфере денежного обращения, жесткий контроль над которой рассматривался ими как важнейшее условие перехода к рынку. В литературе с экономической

точки зрения хорошо изучен кризис неплатежей, охвативший экономику в первые годы реформ. Парадокс ситуации, на первый взгляд, заключался в том, что даже имея сомнительные шансы на оплату своей продукции, производители ее все равно поставляли. Объяснялось это в т. ч. стереотипом, основанном на представлении о том, что «отгруженная продукция раньше или позже, но неизбежно будет оплачена», что прочно сидело в головах директорского корпуса. Изживание данного стереотипа в дальнейшем минимизировало негативные последствия этой проблемы. Но еще в 1993 г. мысли некоторых российских реформаторов из команды Гайдара о том, что в условиях инфляции не следует бездумно инвестировать бюджетные средства в производство, к чему привыкли и хозяйственники, и государство в советское время, были непривычными для массового сознания. Но что было спрашивать с рядовых граждан, если даже глава правительства В. Черномырдин, как отмечает современник, «думает по-советски» [15, с. 180].

Стереотипы в сфере финансового обращения проявлялись не только внутри страны. Это и понятно, т. к. распад СССР не мог означать отказа от объединявших всё постсоветское пространство сложившихся моделей поведения. Гайдар писал, что «в республиках, где денежная политика мягкая, податливая, продукцию берут не торгуясь и не скупясь – денег не жалко, еще напечатаем» [6, с. 343]. Гайдар рассматривал это именно как проявление стереотипов дефицитной, бартерной экономики. Но это, в свою очередь, ставило под угрозу жесткую денежную политику в России.

Но и рядовые граждане не отставали в убежденности преодолеть экономические трудности «правильной» политикой и «мудрыми» решениями. В дневнике современника обнаруживаем факт общения Б.Н. Ельцина с гражданами в октябре 1992 г. во время его поездки в Астраханскую область. Ключевой вопрос населения президенту – когда перестанут расти цены [14, с. 519]. Очевидно, что в вопросе содержится подтекст, связанный с нерыночной убежденностью граждан в способности государства контролировать цены. Позднее и Гайдар признавал, что «сломять твердо укоренившееся в управленческих структурах и в общественном сознании представление о переходе к рынку прежде всего как о длинном списке товаров с регулируемыми ценами оказалось непросто» [6, с. 329].

Собранные мной анкеты также свидетельствуют, что даже переход к рыночным отношениям на рубеже 1980–90-х гг. представлялся большинству респондентов как поэтапный процесс с обязательным участием государства. Именно это участие, по мнению респондентов, обеспечивало бы «мягкое и продуманное» вхождение «простого народа» в рынок. Один из участников опроса даже провел историческую параллель с послевоенным временем, когда, по его мнению, не происходило обогащения «начальников» (как это случилось в 1990-е гг.), т. к. «старт был для всех одинаков». Примечательно, что в последнем случае респондент не обратил внимания на тот факт, что в послевоенные годы решались иные задачи, и речь о переходе СССР к рынку тогда не шла.

Нельзя не упомянуть и о встречающихся гораздо реже высказываниях опрошенных о том, «всё должно быть

в руках государства, никаких рынков не нужно. Рынок наделал миллиардеров, воров». Надо учесть и то обстоятельство, что прошедшие годы не изменили отношения многих «рядовых» граждан к тому, что существенная роль государства в рыночной экономике должна сохраняться. Есть основания полагать, что в этом случае мы имеем дело с весьма живучим стереотипом, имеющим значение и для понимания ситуации в современной России. Представления о роли государства в условиях рынка категорично, но с плохо скрываемым пессимизмом, отражено в следующем высказывании одного из опрошенных: «что было рынком – должно им остаться. Остальное в руках государства. Честного государства! Видимо, такое невозможно».

Собранные данные свидетельствуют также, что даже из тех, кто признается сегодня в позитивном отношении к переходу к рыночным отношениям, примерно две трети ожидали повышения благосостояния. Остальные разделились примерно поровну на тех, кто надеялся хотя бы сохранить достигнутое либо ожидал снижения уровня жизни. Очевидно, что столь высокий показатель количества тех, кто надеялся на рост благосостояния, свидетельствует о том, что, как и руководство страны, общество также стереотипно представляло себе рыночные реформы как не очень болезненный переход к чему-то «лучшему», причем с сохранением того позитивного, что было в советской экономике.

Становление рыночных отношений затруднялось и привычным стереотипом, что такой переход неизбежно предполагает «эксплуатацию наемного труда», что само по себе имело негатив-

ную коннотацию. Конечно, такой стереотип в дальнейшем не раз проявлялся и отнюдь не содействовал реформам. Примечателен в этом отношении такой диалог приехавшего в Россию в 1994 году американского фермера с руководителями бывшего колхоза:

«Когда вступительная часть была закончена, один немолодой агроном, какой-то взлохмаченный и с огнем в глазах, глядя то на гостей, то на своего начальника спросил:

– Так сколько у вас земли?

– 2500 га, – повторила переводчица, я кивнул.

– А сколько у вас наёмных рабочих? – спросил он, торжествующе оглядывая коллег.

– У нас нет наёмных рабочих, мы работаем только с женой, – сказал американец.

– Как это нет? – не понял агроном.

Он видимо хотел выставить фермера эксплуататором, а тот уворачивался.

– У нас немного земли, и нам не выгодно брать рабочих, – сказал фермер.

– Что вы нас за дураков держите! Как это нету? Две с половиной тысячи гектаров и нету рабочих? Да этого не может быть! – горячился агроном.

Американцы переглядывались, явно не понимая, от чего возмущается этот господин. Переводчица в мягкой форме пыталась объяснить причину недовольства.

– Я работаю на комбайне, а жена на большом грузовике отвозит зерно в ближайший кооператив, – пытался объяснить американец.

– Да они подсланы специально, не может такого быть – столько земли, почти наш колхоз, и без наёмных рабочих, – продолжал настаивать агроном, – Это американская пропаганда!

Американцы были озадачены.

– Что не нравится этим господам? – спросили они у меня.

Я не силён в вежливых формах и сказал прямо:

– Они говорят, что вы врете, не могут два человека обработать столько земли.

Семейная пара посовещалась, что-то вспомнили и муж сказал:

– Да действительно, иногда, когда урожай очень хороший, мы приглашаем соседа и он на своей машине, помогает нам вывозить зерно.

Продолжать не имело смысла. Эти люди жили в разных измерениях. Одни не могли понять, зачем нанимать кого-то, если можно эту работу выполнить самим» [22]. Очевидно, что боязнь рынка подпитывалась плодами многолетней официальной советской пропаганды, преодолеть которую было не просто даже во «вполне рыночном» 1994 г.

Тем более неудивительно, что попытки продвинуть новые экономические идеи в самом начале 1990-х гг. наталкивались на стереотипы даже со стороны специалистов-экономистов. Один из авторов воспоминаний так рассказал о защите своей дипломной работы в 1990 г. по непривычной по тем временам теме «Арендное рыночное предприятие в строительстве»:

«На защите – откровенный вопрос «красной профессуры»: «От таких методов строительства в СССР будет безработица. Ведь занятость дают ежегодные ремонты. Вы построили и ушли. Зачем вам о заказчике заботиться?». Да, совсем не по Форду. Я отвечаю комиссии: «Разве у нас в стране уже всё построено? Дороги хорошие? Все семьи качественным жильем обеспече-

ны?». Профессоров то в жар, то в холод бросало, меняли краску лица, как хамелеоны» [5]. Стереотипы такого рода порождались попыткой механически перенести представления о советской плановой экономике на рыночные отношения.

Труднопреодолимым стереотипом поведения советского человека, привыкшего к тому, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг мое», стали в 1990-е гг. хищения имущества частных фирм их сотрудниками. Показательно, что сами хищения в качестве таковых виновными практически не воспринимались. Один из организаторов частного бизнеса вспоминал позднее:

«За многие годы “через мои руки” прошло такого народа человек сорок. За редчайшим исключением, это все были милейшие люди. Но, как я ни старался и что только не придумывал, справиться с их не убиваемой тягой что-нибудь скомуниздить мне не удалось. Водитель, по кличке Башка, «облагодетельствованный» в силу служебного положения и казавшийся весьма надежным, сначала убедил разрешить ему «для пользы дела» ставить машину около своего дома, а затем через пару месяцев организовал ее угон в одну из южных республик. Не столь выразительной, но весьма характерной, оказалась моя борьба со сторожами на автостоянке. Часть мест использовалась для хранения товарных автомашин, часть – по договорам долговременного хранения (паркинг), а на свободные сторожа ставили так называемых «суточников». Убедить своих работников в необходимости сдавать всю суточную выручку в кассу, было выше человеческих сил. Все кивали, соглашались, но хотя бы часть

выручки присваивали. Что только я не придумывал: наказания, увольнения, специальные стимулирующие формы оплаты – без толку! – Александр Иваныч – говорю – зачем ты уворовал этот полтинник (пятьдесят рублей), я же в конце месяца у тебя тысячу вычту или вообще премии лишу? – Тык на сигареты – отвечает с рассеянной улыбкой... Такое поведение никак не укладывалось в моей голове, я не находил логики. Как-то удалось, побеседовал по душам с бригадиром и картина прояснилась. Детская и абсолютно искренняя уверенность: раз это «Я» поставил машину на стоянку, то это мои законные деньги. Раз он тут сидит, то это его лампочки, а скребок, которым он чистит снег – тоже его, он же им работал! Вот такие представления о собственности. Нет, они, конечно, знали, что я собственник (хозяин), но это было крайне размытое и малопонятное представление. Все воспринималось скорее всего как-то по-советски. Собственник – это тот же директор, поставленный государством, чтобы платить зарплату и отвечать за все. Зарплата – это пособие на жизнь, а рабочее место – это место «кормления». Знакомо, не правда ли?!» [5].

Примечательно, что даже суровые финансовые санкции не останавливали любителей мизерных хищений. Очевидно, что в подобных случаях стереотипы оказывались сильнее элементарной экономической логики. В то же время с началом рыночных реформ было поставлено под сомнение уже сложившееся представление о том, что частное априори лучше государственного. Современник отмечает в 1992 г. разрушение расчетов «теоретиков» о том, что частный магазин – это чест-

ный магазин, а обсчет и обвес в советской торговле был связан исключительно с низкой зарплатой продавцов и «ничейной» собственностью. По его наблюдениям, и в приватизированном магазине эти явления наблюдаются, и даже репутацией магазина никто не дорожит [14, с. 266]. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело сразу с рядом взаимосвязанных стереотипов, построенных по одному принципу: «хорошо чего у нас нет, хорошо там, где нас нет».

В последнем случае следует упомянуть о распространенном в начале 1990-х гг. представлении, что все западное – «лучшее». Участие в том или ином проекте зарубежной структуры рассматривалось как гарантия выполнения обязательств. В дневнике современника находим характерную для того времени фразу обывателя: «Не думаю, что западная фирма способна нас обмануть». Другой гражданин вообще счастлив заключением контракта с зарубежной организацией: «Это манна небесная на нас упала!» [14, с. 190]. В подобных высказываниях проявлялся стереотип, связанный с присущим россиянам своеобразным комплексом, который в известные времена даже именовали космополитизмом. Очевидно, что смена времен и режимов отнюдь не приводит к автоматическому изживанию порожденных ими комплексов. Тем более, что приверженность населения нерыночным стереотипам проявлялась отнюдь не только в начале 1990-х гг., когда это выглядело вполне естественно.

Не всегда стереотипы начального этапа реформ преодолевались. Достаточно вспомнить «гречневый кризис» 2014 г., окрещенный журналистами

как «синдром гречки» [28]. Проявление данного стереотипа тем удивительнее, что от начала рыночных преобразований к тому времени минула уже почти четверть века. Очевидно, что даже довольно значительный для одного поколения социальный опыт недостаточен для преодоления таких стереотипов.

Но были и стереотипы, которые постепенно изживались. Известно, что с началом реформ обнаружилось стремление части населения к легкому благополучию. За этим скрывалось стереотипное представление, что «кто-то о нас позаботится». Ярким примером этого стало активное вовлечение в 1990-е гг. населения в финансовые пирамиды. Рассматривая историю самой известной из них – «МММ» – эксперт отмечает, что «когда Мавроди, отбыв наказание, вышел на свободу и попытался повторить свои аферы 90-х гг., то ему это сделать не удалось: те пирамиды, которые он создавал позже, были намного менее масштабны, чем пресловутая МММ. Очевидно, что лучший способ борьбы с финансовыми пирамидами – это вовсе не запреты разного рода, а рост финансовой грамотности» [32]. По мнению же А. Чубайса, в этом нашло отражение «извечное стремление граждан к халяве» [24, с. 190–191].

Пирамида «МММ» рухнула в 1994 г., однако, отнюдь не вследствие роста финансовой грамотности населения. Последующее избрание организатора «пирамиды» С. Мавроди в Государственную думу свидетельствует, что крах его начинания немало граждан связывало не с порочностью самой затеи, а с «кознями» государства. Тем более, что в эти же годы благополуч-

но существовали другие структуры подобного рода. И все-таки данный стереотип по мере укрепления рыночных отношений утрачивал свою значимость, люди постепенно, нередко на собственном печальном опыте, осознавали, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Постепенно у россиян складывалось понимание, что привычный мир рушится, а вместе с этим становятся бесполезными и даже вредными сложившиеся стереотипы сознания и поведения. Так, в ряде случаев, вполне в соответствии с «духом времени», на различные общественные должности избирались «шустрые» люди, способные «схимичить» в интересах своих доверителей (один из таких случаев в элитном садовом товариществе описывает Ю. Болдырев [2]).

Экономические реформы вели и к разрушению стереотипов, связанных с социальным статусом индивидов. Уходило в прошлое привычно благоговейное отношение к тем, кто «состоит при дефиците», как к «касте» избранных. Переход к свободе торговли, например, существенно понизил социальный статус продавца, завскладом и т.п. лиц, т.к. утрачивалась экономическая основа их «могущества» – дефицит. «Переход к нормальной денежной экономике с доминирующим положением покупателя означал для государственной торговли крах не только устоявшихся стереотипов, но и социального престижа, положения в обществе» [6, с. 332–333].

В ряде же случаев можно наблюдать даже укрепление стереотипов, в частности, в процессе приватизации 1990-х гг. Стереотипным здесь является сложившееся в советский период негативное отношение в обществе к частной

собственности. Интеллигенция осталась недовольна чековой приватизацией, т. к., являясь образованной частью населения, пострадала больше, чем необразованная. И потому, как пишет А. Чубайс, что пыталась вложить ваучеры «с умом» – не в акции какого-нибудь заводика, а в солидные чековые инвестиционные фонды. Эти фонды поглотили четверть всех ваучеров, но приобретено было на них только 10% акций. Но именно потому, что обманутой ощущала себя прежде всего интеллигенция, наиболее образованная часть общества, недовольство приватизацией приняло столь массовый характер [24, с. 141].

Естественно, причины негативного отношения к приватизации лежат не только в сфере психологии. Но благодаря, в том числе, и негативному освещению хода приватизации значительной частью СМИ, усиливалось общее отрицательное отношение к этому процессу, а сам стереотип отрицательного отношения к частной собственности в какой-то мере даже укреплялся. Тот факт, что большинство россиян без особых эксцессов восприняли результаты «грабительской приватизации», ряд исследователей объясняет тем, что частные предприятия на практике всё-таки доказали свою эффективность, в магазинах исчезали очереди, а полки в них наполнялись товарами [12, с. 193]. Если согласиться с таким объяснением, то следует признать, что позитивные сдвиги в неприглядной в целом социальной реальности 1990-х гг. лучше агитировали против устоявшихся стереотипов, чем предвыборные лозунги левых политиков или кампания против радикал-реформаторов в СМИ.

Однако парадоксальным образом стереотипы не только мешали про-

ведению приватизации, но и **использовались ее инициаторами в своих целях**. В ситуации 1993–1994 гг., когда приватизацию приходилось буквально «пробивать», она осуществлялась не только экономическими методами, но и по указаниям из центра. Тем самым реформаторы использовали привычку руководителей на местах к подчинению власти вне зависимости от идущих от нее решений. Стереотип правящей элиты, выражающийся в приверженности командному стилю управления, использовался не только при проведении приватизации, но и в интересах реформ в условиях перехода к рынку в целом [24, с. 199].

Любопытно, что абсолютно рыночное по сути мероприятие – приватизация – проводилось порой вполне советскими методами. В частности, в регионы были спущены плановые задания по приватизации [24, с. 146]. Не надеясь дождаться инициативы местных руководителей, центральная власть использовала понятный им язык. И что важно – это давало свои результаты. Очевидно, что, вопреки существующему представлению, стереотипы могут оказывать на реформы и благотворное влияние, если сами реформаторы грамотно используют их (стереотипов) преобразовательный потенциал. Однако любой стереотип имеет свои хронологические границы «жизни» и постепенно вытесняется новыми реалиями. Указы Президента России по приватизации еще в начале 1990-х гг. выполнялись беспрекословно, но уже в конце 1990-х гг. этого не было [24, с. 201].

«Командный стиль» проведения приватизации проявлялся и на уровне воздействия на массовое сознание,

из которого еще не выветрился стереотип уважительного отношения к «начальственному слову». Так, на завершающем этапе чековой приватизации положительный для реформаторов эффект имел рекламный ролик, в котором актер в образе большого начальника в категорической форме давал указание получить приватизационный чек.

История приватизации показывает, что стереотипы имеют свою «национальность». Красивая реклама приватизации, сделанная приглашенными западными специалистами, была оторвана от российской почвы и потому могла лишь усилить и без того существенное непонимание этого процесса в обществе, а потому была отвергнута командой российских реформаторов [24, с. 215].

Принято считать, что экспроприации прошлого и репрессии породили в народе страх перед государством. Якобы люди не торопились включаться в реформы из-за страха перед государственной машиной. Но реформаторам дело представлялось еще хуже, т.к. приходилось бороться с устойчивым недоверием народа к государству. Столкнувшись с проблемой размещения ваучеров, народ рассуждал привычно: зачем связываться с этим «дурацким» государством [24, с.231-234].

В осуществлении рыночных реформ в России нельзя игнорировать стереотипы, связанные и с ролью внешнего фактора в преобразованиях. Для значительного числа советских людей Запад, несмотря на внешнее сближение с СССР при Горбачеве, оставался не другом. Поэтому не случайно, что тяготы перехода к рынку ассоциировались в общественном мнении россиян

с вредным влиянием Запада в форме якобы чуждых нашей жизни рецептов, стремлением Запада разорить Россию экономически, вмешиваться в ее внутренние дела, участием иностранных консультантов и т.п. В этом случае мы имеем дело с давним историческим стереотипом неизбежности противостояния России и Запада.

Естественно, подпитку данному стереотипу давала активизация взаимодействия России и Запада в условиях перехода нашей страны к рыночным отношениям. Полноценное исследование роли «фактора Запада» в российских реформах еще впереди, имеющиеся же источники свидетельствуют, что взаимодействие отечественных реформаторов с западными советниками и институтами носило сложный и отнюдь не всегда соглашательский характер. Тем не менее в сознании большинства россиян и по сей день остается устойчивое представление о том, что реформы были проведены «по указке Запада, МВФ» и т.п., чем во многом и объясняются обычно их негативные последствия. Устойчивость стереотипа подогревается и тем, что его активно подпитывают своими авторитетными суждениями политики и обществоведы. В условиях обострения отношений России с Западом данный стереотип воспринимается обществом как доказанный самой жизнью, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, фиксирующих рост недоверия россиян к Западу в последние годы. Тем самым стереотип обретает «второе дыхание» и становится в какой-то мере одним из немногих символов современного общественного консенсуса.

Заключение

Подводя итоги, назовем основные результаты проведенного исследования. Прежде всего, отметим, что рассмотренные стереотипы являются порождением особенностей отечественного исторического процесса и одним из значимых факторов социокультурной составляющей процесса модернизации России. Противоречивость и неоднозначность результатов экономических реформ в России объясняется не только ошибками реформаторов или изъянами плана реформирования, но и укорененностью в массовом сознании целого ряда стереотипных представлений о «нормальной» экономике. Изучение процесса трансформации исторических стереотипов в сфере экономического сознания свидетельствует об их устойчивости и относительной независимости от текущей экономической ситуации. Очевидно, что экономические стереотипы являются одним из важных факторов, определивших характер и предварительные результаты рыночных экономических преобразований в России, а их учет позволит избежать лишних ошибок в дальнейшей трансформации отечественной экономики.

Выявленные стереотипы можно условно классифицировать с точки зрения их дальнейшей «судьбы» на те, которые в целом преодолевались; те, которые укреплялись; и те, которые трансформировались в какие-то новые модели поведения индивида. Подчеркнем, что даже базовые экономические стереотипы дореформенного времени не преодолены и по сей день. Данные многих исследований свидетельствуют, что россияне сегодня хотят капитали-

стического благосостояния, но с социальной справедливостью. Тем самым становится очевидным, что проблема отказа от устаревших стереотипов не является только вопросом времени. Не исключено, что не преодоленные до сих пор, хотя и не вполне соответствующие новым реалиям экономические стереотипы надолго останутся характерной чертой сознания и поведения рядовых россиян и будут определять развитие отечественной экономики.

Еще одним критерием классификации стереотипов может являться их соответствие замыслам реформаторов. С этой точки зрения стереотипы представляется возможным классифицировать как на противоречащие таким целям, так и на содействующие им (какие-то стереотипы могут оказаться в рассматриваемом аспекте и нейтральными). Вопреки распространенному мнению, стереотипы не только затрудняют проведение преобразований, но в случае осознания их реформаторами могут использоваться и в целях проведения реформ. В последнем случае это обеспечивает менее болезненное протекание реформаторских процессов. Почву для этого создает то обстоятельство, что в условиях быстрых изменений окружающей жизни обыватель психологически предрасположен к позитивной реакции на обращение реформаторов к таким стереотипам, напоминающим ему о прежней «устроенной» и понятной жизни, возвращающим обывателю привычные способы решения новых проблем. Данное обстоятельство явно недостаточно учитывается в изучении современных отечественных реформ. Поэтому от умения реформаторов зависит возможность превращения сте-

реотипов из «врагов» в «союзников» в деле преобразований. В целом же для значительной части наших граждан стереотипы сыграли препятствующую менее болезненной адаптации к рынку роль, затруднив и растянув во времени данный процесс. Признание этого факта дает одно из объяснений непростой истории становления рыночных отношений в России в 1990–2000-е гг.

Изучение трансформации стереотипов в условиях рыночных реформ в России, далее, ставит и вопросы теоретико-методологического характера. Главный из них – всегда ли реформы в качестве исходной цели должны ставить улучшение жизни людей. Именно с таким стереотипным представлением сталкиваешься каждый раз, когда изучаешь представления граждан о том, чего они ожидали от перехода к рынку. Но что значит «улучшение»? Материальное? Но его параметры не ясны даже для самого населения и весьма подвижны. К тому же потребности граждан также растут, вследствие чего меняется и само наполнение «улучшения». Улучшение для одних может означать ухудшение или стабильность для других (о чём, кстати, также свидетельствуют данные опросов) и т. д. Структурные реформы могут на какое-то время ухудшить жизнь части населения. Перечень таких вопросов можно продолжать. Очевидно поэтому, что само представление о цели любой реформы исключительно как улучшении жизни населения также является стереотипом и не может восприниматься наукой как положение, пригодное для исследования реформ вне их исторического контекста. Но эти вопросы еще нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Таким образом, смена стереотипов – процесс неизбежный, но наиболее длительный по сравнению с другими направлениями модернизации общества. Многие проблемы, связанные с незавершенностью и противоречи-

востью модернизации России в современное общество, следует искать в незавершенности процесса трансформации стереотипов в сознании значительной части населения.

Статья поступила в редакцию 18.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Болдырев Ю.Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Форум, 2003. 432 с.
3. Быков Р.А. Я побиг – начну сначала!: Дневники. М.: АСТ, 2010. 761 с.
4. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 784 с.
5. Высоцкий С. Мои 80-е. Мои 90-е // 90-е: История Великого Поворота [сайт]. – URL: http://indem.ru/Re90/Vo/13moi80e90_1.pdf (дата обращения 15.09.2018).
6. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. 557 с.
7. Горбачев М.С. О ходе реализации решений 27 съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 94 с.
8. Горбачев М.С. Молодежь – творческая сила революционного обновления: Выступление на XX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16 апреля 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 31 с.
9. Горбачев М.С. Наедине с собой. М.: Грин Стрит, 2012. 688 с.
10. Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 32 с.
11. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
12. Елькин Д. Россия переворачивает страницу. Исторические зарисовки конца постсоветского периода. 2007–2014. М.: Центрполиграф, 2015. 575 с.
13. Зенькович Н.А. 1991. СССР. Конец проекта. М.: ОЛМА, 2009. 576 с.
14. Зенькович Н.А. 1992. На руинах советской империи. М.: ОЛМА, 2009. 592 с.
15. Зенькович Н.А. 1993. Честная хроника безумных дней. М.: ОЛМА, 2010. 640 с.
16. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
17. К гуманному, демократическому социализму: Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. М.: Политиздат, 1990. 32 с.
18. Кричевский Н.А. Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера. М.: Дашков и Ко, 2016. 304 с.
19. Маринина А. Были 90-х. Т.1: Как мы выживали. М.: ЭКСМО, 2017. 350 с.; Были 90-х. Т. 2: Эпоха лихой святости. М.: ЭКСМО, 2017. 384 с.
20. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 112 с.

22. Мельник В.О. Американцы в России. Фермер / 90-е: История Великого Поворота [сайт]. – URL: <http://indem.ru/Re90/Vo/05AmerFermer.htm> (дата обращения 29.09.2018).
23. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра. М.: Московский рабочий, 1990. 255 с.
24. Приватизация по-русски / Под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. 367 с.
25. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
26. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
27. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
28. Сидорчик А. «Синдром гречки», или как россияне создают кризис там, где его нет [17.11.2014] / Аргументы и факты [сайт]. – URL <http://www.aif.ru/society/opinion/1383135> (дата обращения 28.09.2018).
29. Синельников С. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М.: Евразия, 1995. 316 с.
30. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. 647 с.
31. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
32. Эксперт рассказал, чем был обусловлен успех Мавроди [26.03.2018] / РИА Новости [сайт]. – URL: https://ria.ru/radio_brief/20180326/1517286024.html (дата обращения 26.09.2018).
33. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
34. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2006. 384 с.
35. Lippman W. Public Opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922, 427 p.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu.V. Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and the public mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 622 p.
2. Boldyrev Yu.Yu. O bochkakh meda i lozhkakh degtya [On barrels of honey and spoons of tar]. Moscow, Forum Publ., 2003. 432 p.
3. Bykov R.A. Ya pobit [I'm beaten]. Moscow, AST Publ., 2010. 761 p.
4. V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991). Sost. A. Chernyaev, A. Veber, V. Medvedev [In the Politburo of the CPSU Central Committee... records of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985–1991). Comp. A. Chernyaev, A. Weber, V. Medvedev]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2006. 784 p.
5. Vysotskii S. Moi 80-e. Moi 90-e. In: 90-e: Istoriya Velikogo Povorota [My 80s, My 90s. In: *The 90s: the story of the Great Turn* [website]. Available at: http://indem.ru/Re90/Vo/13moi80e90_1.pdf (accessed: 15.09.2018).
6. Gaidar E.T. Dni porazhenii i pobed [The days of defeats and victories]. Moscow, Vagrius Publ., 1996. 557 p.
7. Gorbachev M.S. O khode realizatsii reshenii 27 s"ezda KPSS i zadachakh po uglublениyu perestroiki. Doklad na XIX Vsesoyuznoi konferentsii KPSS 28 iyunya 1988 g. [On the implementation of the decisions of the 27 Congress of the CPSU and the tasks of deepening the perestroika. Report on the XIX all-Union CPSU conference on 28 June 1988]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 94 p.

8. Gorbachev M.S. Molodezh' – tvorcheskaya sila revolyutsionnogo obnoveniya: Vystuplenie na XX s'ezde Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi 16 aprelya 1987 g. [Young people - the creative force of the revolutionary renewal: Speech at the XX Congress of all-Union Leninist Communist Youth Union on 16 April 1987]. Politizdat Publ., 1987. 31 p.
9. Gorbachev M.S. Naedine s soboi [Alone with myself]. Moscow, Grin Strit Publ., 2012. 688 p.
10. Gorbachev M.S. Korennoi vopros ekonomicheskoi politiki partii. Doklad na soveshchanii v TSK KPSS po voprosam uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa 11 iyunya 1985 g. [The fundamental question of the economic policy of the party. Report on the meeting in the CPSU Central Committee on questions of accelerating scientific and technological progress June 11, 1985]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 32 p.
11. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of the Russians of the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1. The Era of Khrushchev]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 624 p.
12. El'kin D. Rossiya perevorachivaet stranitsu. Istoricheskie zarisovki kontsa postsovetского периода. 2007–2014 [Russia turns over the page. Historical sketches of the late post-Soviet period. 2007–2014]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 575 p.
13. Zen'kovich N.A. 1991. SSSR. Konets proekta [1991. The Soviet Union. The end of the project]. Moscow, OLMA Publ., 2009. 576 p.
14. Zen'kovich N.A. 1992. Na ruinakh sovetskoj imperii [1992. On the ruins of the Soviet Empire]. Moscow, OLMA Publ., 2009. 592 p.
15. Zen'kovich N.A. 1993. Chestnaya khronika bezumnykh dnei [1993. Honest chronicle of the crazy days]. Moscow, OLMA Publ., 2010. 640 p.
16. Zubkova E.YU. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost', 1945–1953 [The postwar Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.
17. K gumannomu, demokraticeskomu sotsializmu: Platforma TsK KPSS k XXVIII s'ezdu partii [To the humane, democratic socialism: Platform of the Central Committee of the CPSU XXVIII Congress of the party]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 32 p.
18. Krichevskii N.A. Nasledie protivorechii. Istoki russkogo ekonomicheskogo kharaktera [The legacy of contradictions. The origins of the Russian economic nature]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2016. 304 p.
19. Marinina A. Byli 90-kh. T. 1: Kak my vyzhivali; T. 2: Epokha likhoi svyatosti [True story of 90th. Vol. 1: We've survived.; vol. 2: The era of the dashing of holiness]. Moscow, EKSMO Publ., 2017. 384 p.
20. Materialy XXVII s'ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [The materials of the XXVII Congress of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 352 p.
21. Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 25–26 iyunya 1987 g. [Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee, June 25–26, 1987]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 112 p.
22. Mel'nik V.O. Amerikantsy v Rossii. Fermer. In: 90-e: Istoriya Velikogo Povorota [Americans in Russia. The farmer. In: *The 90th: The story of the Great Turning* [website]. Available at: <http://indem.ru/Re90/Vo/05AmerFermer.htm> (accessed: 29.09.2018).
23. Narodnye deputaty SSSR: ekonomika segodnya i zavtra [Deputies of the USSR: Economics today and tomorrow]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 255 p.

24. Privatizatsiya po-rossiiski [Privatization in the Russian way, ed. by A.B. Chubais]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 367 p.
25. Pyzhikov A.V. Khrushchevskaya «otpepel'» [Khrushchev's "thaw"]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 511 p.
26. Raleigh D. Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane [Soviet baby-boomers. The postwar generation talks about themselves and their country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 544 p.
27. Sigman C. Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva [Political clubs and Perestroika in Russia: Opposition without dissent]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.
28. Sidorchik A. «Sindrom grechki», ili kak rossiyanе sozdayut krizis tam, gde ego net [The "syndrome of buckwheat", or how the Russians created a crisis where there is none] [17.11.2014]. In: *Argumenty i fakty* [Arguments and facts [website]]. Available at: <http://www.aif.ru/society/opinion/1383135> (accessed: 28.09.2018).
29. Sinel'nikov S. Byudzhetnyi krizis v Rossii: 1985–1995 gody [Budget crisis in Russia: 1985–1995]. Moscow, Evraziya Publ., 1995. 316 p.
30. Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii. 1947–1953 gg.: Dokumenty i materialy (sost.: V.V. Zhuravlev, L.N. Lazareva) [Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947–1953.: the Documents and materials. Ed. V.V. Zhuravlev, And L.N. Lazarev]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 647 p.
31. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was for good and all until it finished. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.
32. Ekspert rasskazal, chem byl obusloven uspekh Mavrodi [The expert explained what Mavrodi's success was due to] [26.03.2018]. In: RIA news [website]]. Available at: https://ria.ru/radio_brief/20180326/1517286024.html (accessed: 26.09.2018).
33. Shubin A.V. Paradoksy perestroiki. Upushchennyi shans SSSR [Paradoxes of the perestroika. The lost chance of the USSR]. Moscow, Veche Publ., 2005. 480 p.
34. Shubin A.V. Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR [Dissidents, nonconformists and freedom in the Soviet Union]. Moscow, Veche Publ., 2006. 384 p.
35. Lippman W. Public Opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922, 427 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)»), № 18-09-00063а).

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund (Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, No. 18-09-00063a).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Dmitry V. Maslov – doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д.В. Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивида // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 221–241. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241

FOR CITATION

Maslov D. Economic Reforms in Modern Russian History as the Transformation of the Individual's Stereotypes of Behavior. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 221–241.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241